

В.С. Попова, А.Г. Пушкарский
ДВА КРИТИКА ЛОГИКИ
ПРОФЕССОРА А.И. ВВЕДЕНСКОГО¹

В статье реконструирован один малоизвестный эпизод логических дискуссий в России начала XX века с участием харьковского приват-доцента И.С. Продана, И.И. Лапшина и А.И. Введенского. Рассматривается стиль и направленность критики Продана, подчеркивается её бескомпромиссный, безапелляционный и ожесточенный характер. Полемический стиль Продана сопоставляется со стилем другого известного критика Введенского, - Н.О. Лосского. В статье также кратко затронута малоизвестная критическая работа И.С. Продана, направленная против Канта и его философии.

The authors are reconstructing one little-known episode of logical discussions in the early XX century Russia with the participation of privat-docent I. Prodan, I. Lapshin, and A. Vvedensky. The article considers style and orientation of Prodan's critique, emphasized its uncompromising, peremptory and embittered character. The polemic style of Prodan is being compared with the style of N. Lossky - another well-known critic of Vvedensky. The article also deals with little-known Prodan's work which is directed against Kant and his philosophy.

Ключевые слова: логика, история логики в России, философия Канта в России, И.С. Продан, А.И. Введенский, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский.

Keywords: logic, history of logic in Russia, Kant's philosophy in Russia, I. Prodan, A. Vvedensky, I. Lapshin, N. Lossky.

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект №10-03-00745а "Логика в России: спор А.И. Введенского и Н.О. Лосского".

В дискуссию о логике были вовлечены многие значительные фигуры университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века - М.И. Владиславлев, М.И. Каринский, Л.В. Рутковский, А.И. Введенский, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, С.И. Поварнин и т.д. (См. [7]). Но при ближайшем рассмотрении дискуссии о логике проявляется ещё один автор, не принадлежавший петербургскому философскому сообществу, но проявивший себя яростным критиком центральной фигуры этого сообщества - А.И. Введенского, писавший о его логике яростно и достаточно претенциозно заявлявший о своих собственных заслугах. Этот персонаж практически не упоминается в философской литературе, посвященной данной проблематике. Между тем, как нам представляется, следует обратить внимание на этого исследователя и на связанный с его активностью полемический эпизод истории логики в России. Этот автор - Исидор Савич Продан, приват-доцент Харьковского университета. Внешняя канва ситуации с его участием такова. В 1910 году он публикует 2-е издание своего учебника логики². По поручению Ученого комитета Министерства народного просвещения И.И. Лапшин пишет на него рецензию в журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП). На что автор учебника логики быстро отреагировал в том же журнале, опубликовав там ответ рецензенту: «Почтенный рецензент ученого комитета сделал мне 17 замечаний, которым нет ни надлежащей классификации, ни обозначения» [8]. Сам он дает рецензенту подробный ответ: «... я отмечаю его замечания числами по порядку их изложения у рецензента; а для логической связанности и лучшего обзора всего материал, я их распределяю на три группы» [8]. Вроде бы стандартная ситуация, но в данном случае наиболее интересным представляется стиль дискуссии, реакции её

² См. [8].

участников как показатель особенности позиций и, в конечном итоге, образов логики, демонстрируемых ими. Какова реакция на внешнего для петербургской университетской философии критика? Чем эта дискуссия отличается от споров учителя А.И. Введенского со своими учениками и коллегами?

На замечание Лапшина о том, что для того чтобы написать хороший учебник логики, необходимо положить в его основу цельное философское мировоззрение, Продан отвечает в первой группе своих возражений «I. Возражения на общие замечания относительно изложения логики»³. - Ч.1: «Элементарная логика, которую излагает мой учебник, т.е. формальная логика и методология, есть *точная наука*; только такая и может войти в курс среднеучебных заведений. Между тем, «цельные философские мировоззрения» в своей «целостности» не могут считаться точной и достоверной наукой. Поэтому такую спорную, часто ошибочную, философию нельзя полагать в основу положительной науки, каковой должна быть элементарная логика» [8]. Во второй части своего «Ответа рецензенту» («II. Возражения на замечания по поводу отдельных вопросов логики» Ч.4.) на обвинение о в смешении нормативной и онтологической трактовки закона противоречия, Продан упрекает рецензента в «спутанности мысли» и в невнимании к определенным дистинкциям, проводимым в его учебнике. Так, по его мнению, Лапшин просто не понял его примера в объяснении закона противоречия: «та же вода может показаться теплой для одной руки и не теплой для другой; но она не может быть теплой и не теплой *для одной и той же руки* в одно и то же время ...». Продан пишет: «Почтенного рецензента опять сбил с толку двойной смысл слова «тепло», которого он не отличает, а именно: 1) для обозначения субъективного ощущения тепла (т.е. для познаватель-

³ Курсив и разрядка текста во всех цитатах принадлежат автору.

ного процесса) и 2) для объективного факта внешнего мира (для особого качества материи, называемого в физике теплотой) ... Точно также и слово «быть», а равно и выражение «не может быть» употребляется в *двух* значениях: а) в смысле объективного реального существования ... б) В *формальном* значении, для обоснования связи сказуемого с подлежащим ... Так же и «то же время» может означать и несколько лет и одну тысячную долю секунды» [8]. И наконец, на последнее 17-е замечание Лапшина о том, что автор учебника не отличает метафизической логики от теории познания, Продан высказывается не менее однозначно по отношению и к автору рецензии, и к его «учености»: «И это замечание г. И. Лапшина, по его обыкновению, сделано без цитаты и *без оговорок*, совершенно «безапелляционно», как будто дело касается общеизвестной и очевидной истины ... Между тем, на 8-ой странице моего учебника, указанной рецензентом, имеется следующее: «формальной логике противопоставляют (кто, не сказано) метафизическую (иначе гносеологию, или теорию познания)». Вот и все, что могло вызвать замечание г. И. Лапшина. Что касается *моего* мнения по этому поводу, то я его вовсе не высказываю в своем учебнике; но с рецензентом я могу поделиться и этим мнением. Я лично *против* такого отождествления, следуя английским и шотландским философам. Однако на практике и *им* не вполне удалось это отграничение теории познания от метафизики (онтологии); что касается их последователя – Канта, то его теория познания (которой придерживается г. И. Лапшин и его почтенный учитель) переполнена метафизическими положениями, совершенно не доказанными» [8].

В заключении автор «Ответа рецензенту» упрекает своего оппонента за то, что тот даже не упомянул ни одного достоинства рецензируемого учебника, и пишет далее: «прошу меня извинить, что я под конец

заразился у официального рецензента его терминологией и «манерой» выражаться» [8].

Тем не менее, в целом ответ на рецензию выглядит ещё вполне «уважительным», если сравнить его с последующим полемическим стилем Продана. Но уже на основании этого ответа Лапшину мы можем составить определенное мнение о стиле ведения логических дискуссий харьковским приват-доцентом. Во-первых, сам он достаточно бескомпромиссен и безапелляционен в отстаивании своих взглядов. И даже когда он соглашается с существом замечаний и возражений, он не относит их к себе, замечая, что или его неправильно поняли, или же просто не понимают сути дела. И, во-вторых, сам Продан часто переходит в «наступление» на своего критика, обвиняя его в ошибках и заблуждениях. И, наконец, в-третьих, мы можем говорить о явных философских предпочтениях Продана, а именно: первый позитивизм и английский эмпиризм, хотя и в этих течениях он находит заблуждения и ошибки. Данные замечания указывают на уязвленное самолюбие этого исследователя, на его нереализованные амбиции относительно собственного научного статуса, связанные в первую очередь с логикой (Продан по обычаю того времени занимался также психологией, логика и психология как учебные дисциплины сопровождали друг друга). Однако, пример спора с Лапшиным ещё не дает достаточных оснований для подобных выводов, следует дополнить картину.

На этом эпизоде дискуссия об учебнике логики Продана не закончилась, а только начиналась: «Г-ну И. Лапшину я ответил в том же журнале ... ответил я коротко, так как не мог выйти за пределы, установленной 139 статьей Цензурного устава и предоставленный мне редактором журнала» [9, с. V]. Особенно Исидора Савича задела апелляция автора рецензии к учебнику А.И. Введенского, которого тот ставит ему в пример: «

... г. И. Лапшин выставляет мне проф. Введенского в качестве авторитета по логике, указывая на некоторые мои «ошибки», которых, как он ошибочно полагает, не имеется в логике проф. Введенского» [9, с. V]. Это заставило Продана тщательно ознакомиться с работами Введенского, и прежде всего с его «Логикой, как частью теории познания» (1909 – первое издание) и «Логикой для гимназий» (1910 – первое издание). И в 1911 году Продан публикует достаточно обширную работу (более 220-ти страниц) – «Новая логика. Критическое исследование новых и старых заблуждений и ошибок». Работа эта была всецело посвящена критике логико-философских взглядов А.И. Введенского и разбору его «логических ошибок». Сразу следует оговориться, что данную книгу нельзя рассматривать как мелочную критику Введенского и малозначительную с точки зрения истории логики в России. В ней Продан обращается к значимым вопросам философии и истории логики, к собственно логической проблематике, сосредотачивая внимание, правда, исключительно на традиционной логике.

Так, например, рассматривая в первой части книги различные логические направления в истории логики, – онтологическое, гносеологическое, психологическое и др., далее он делает следующий вывод: «понятие логики определяется различными авторами, обыкновенно – в зависимости от различного понимания ее задач и предмета. Поэтому-то и формулировка одних и тех же законов мышления может до некоторой степени видоизменяться в зависимости от понимания предмета логики. Так напр., кто считает логику «искусством мышления и открытий» или «наукой общеобязательных правил мышления», тот должен смотреть на основные законы мышления, а равно и на все правила логики, как на нормы, или требования, обязательные для достижения истины. Кто же считает логи-

ку обособившейся отраслью психологии, кто в логике видит изложение особого рода фактов психической действительности, тот и основные законы мышления должен формулировать, как естественные законы, управляющие психической жизнью...» [9, с. 41]. Данный взгляд довольно близок нашей концепции в методологии истории логики основанной на понятии «образ логики»⁴. Здесь Продан фактически фиксирует проблему психологизма в философии логики, которая была достаточно обсуждаема в то время.

Нельзя обвинить И.С. Продана в некомпетентности и непрофессионализме в области современной ему философии и логики. Однако, стиль его критики остается таким же как и в его «Ответе рецензенту», даже более безапелляционным и обвинительным. Мало кто из ведущих фигур в истории логики не уличается им в логических ошибках или заблуждениях. Но, конечно, основная его критическая энергия обращена против Введенского. Здесь она становится не просто бескомпромиссной, а наступательно уничижительной. В X заключительной главе он так подводит итоги своей работы: «В предыдущих главах я разобрал около двадцати заблуждений традиционной логики, которые были исправлены в моем учебнике. После его выпуска проф. Введенский издал и свой университетский курс, и свою «Логика для гимназий». Последнюю он выпустил через два года после моего учебника. Используя его в значительной мере, он все же в обоих своих логиках воспроизвел большинство традиционных заблуждений. Но сверх того, он сделал множество совершенно оригинальных ошибок. Разбирая важнейшие вопросы логики, относительно которых имеются разногласия, я в новой логике проф. Введенского обнаружил не меньше 209 ошибок и противоречий, принадлежащих ему исключительно ... Итого 249 замеченных, из них

⁴ См., например [7].

209 разобранных ошибок!» [9, с. 200-201]. Далее Продан дает подробное указание на места этих ошибок в тексте Введенского. Затем, то же самое делается и в отношении плана, метода и терминологии логики Введенского, критическому разбору которых посвящена вся IX глава «Новой логики». После этого Продан обвиняет Введенского в несоответствии языка изложения его логики «научным и дидактическим требованиям». Он подробно указывает на места в тексте логики Введенского, где тот использует слова «очевидно», «конечно», «разумеется». Да и сам стиль изложения Введенского «отличается расплывчатостью, отвлеченностью и туманностью», и к тому же содержит много слишком длинных предложений, чтение которых «с трудом понимается даже искушенным специалистом». Однако, как мы видим из приведенной выше цитаты, наиболее существенным обвинением является обвинение в прямом заимствовании, т.е. не больше и не меньше как в плагиате! «Остается отметить еще одну особенность новой логики проф. Введенского. В ней приводятся больше 20 примеров, которые впервые были придуманы мной для моего учебника логики, вышедшего годом раньше его университетского курса и двумя годами раньше новой логики проф. Введенского. В последней, сверх этих примеров, повторяются некоторые из моих определений, объяснений и дистинкций, которых раньше не было ни в одном учебнике и курсе логики: они впервые введены мною в науку» [9, с. 208]. Однако, продолжает Продан: «Вследствие видоизменений формы и вследствие новой терминологии проф. Введенского, несогласной с обычной, у него весьма часто получают ошибки, которых не имеется в моем учебнике» [9, с. 208]. Что же это за совпадения, в которых Продан обвиняет Введенского, и большинство из которых он разбирает в разных частях своей книги, и

особенно - в последней. Приведем несколько примеров:

«6-ое *«совпадение»*. Замечание, что существующими названиями не исчерпывается все число возможных ошибок, что даже формальных ошибок может быть столько, сколько в логике установлено правил ... Проф. Введенский использовал эту мысль вполне, толкуя об ошибках после изложения каждого правила.

7-ое *«совпадение»*. Относительно ошибки «*circulus vitiosus*⁵» я замечаю: «Это [т.е. означенная ошибка] делается, конечно, в замаскированном виде: иначе, ошибка сейчас же была бы очевидна оппоненту. Чаше она встречается в более сложных и отвлеченных доказательствах» ... Проф. Введенский, по своему обыкновению, выражается решительнее: «Ошибка эта встречается только в длинных рассуждениях; в коротких же она почти невозможна [«только» и «почти»], ибо там слишком резко кидалась бы в глаза, и редко кто не заметил бы ее».

... 11-ое *«совпадение»*. Как образец дихотомии у меня приведено в наглядной схеме разделение четырехугольников ... Проф. Введенский удержал пример и схему моего первого издания и даже термин «ромбоид», не известный русским учебникам геометрии. В остальном он слегка изменил термины» [9, с. 210-211].

По нашему мнению, указанные примеры, да и множество других совпадений приводимых в книге, отнюдь не указывают на прямое заимствование. В этом смысле всех авторов учебников традиционной логики можно обвинить в заимствованиях друг у друга. Терминология, правила и определения традиционной логики формировались более двух тысячелетий и зачастую довольно трудно выразить их в оригинальной форме без изменения всей логической концепции. К тому же одно дело указать на ошибки в их формули-

⁵ Порочный круг (лат.)

ровке и определении, и совсем другое дело – прямое обвинении в заимствовании.

Справедливости ради следует сказать, что указание Продана на отдельные просчеты и ошибки в определениях Введенского, как нам представляется, имеют под собой основание. Он приводит определение Введенским логического определения: «Определением - *definitio* - понятия называется полное [sic!] указание признаков, образующих содержание этого понятия» [9, с. 188]. Безусловно, с Проданным следует согласиться, что: «в большинстве случаев относительно сложных по содержанию понятий невозможно «полное перечисление всех признаков»» [9, с. 188]. В четком определении получает отражение основное содержание понятия, но невозможно дать содержание понятия как таковое, поскольку оно может включать неограниченное количество признаков.

Обратим внимание на еще один пример в критике Продана. Так, подробно разбирая определение логики Введенского из его «Логики для гимназий» – «Логика есть наука о правильном мышлении. Правильным называется мышление, пригодное для расширения знания», он совершенно справедливо указывает, что в данном случае допущена ошибка «слишком широкое определение», поскольку новое знание можно получить не только с помощью мышления подчиненного законам логики⁶. Однако, критикуя Введенского, он затем в конце книги упрекает его в заимствовании (!), приводя сравнение этого определения со своим:

Формулировка моего учебника:	Текст новой логики проф. Введенского:
<i>Логика есть наука, излагающая правила мышле-</i>	<i>Логика есть наука о правильном мышлении. 1)</i>

⁶ См. [9, с. 6-13].

<p>ния, 1) соблюдение которых необходимо для достижения истины... 2) задача ее состоит в том, чтобы установить, те правил мышления... 3) соблюдение которых 4) необходимо для достижения истины...</p>	<p>Правильным называется мышление, пригодное для расширения знания. 2) задача логики – отыскивать правила. 3) при исполнении которых. 4) мышление становится годным для расширения знания.</p>
--	--

Для Продана это «сильно замаскированное» совпадение (№19), которое «есть плод неудачного заимствования», поскольку, как полагает Продан, Введенский неправильно считает, что «достижение истины» и «расширение знания» тождественны по смыслу» [9, с. 216]. Конечно, следует согласиться с тем, что «достижение истины» и «расширение знания» совсем не одно и то же. Однако, вне зависимости от того заимствует ли Введенский что-нибудь в своем определении логики и ее задач или нет, к определению самого Продана можно применить его же критические аргументы, и показывать, что и оно «слишком широкое».

Рассмотрим ещё один эпизод. Продан фиксирует 9-ое совпадение: «Правильное определение основания деления впервые дано в моем учебнике следующими словами: «То родовое понятие, в объеме которого содержатся все видовые отличия [подразумевается – входящая в каждый из членов деления], называется основанием разделения» ... Проф. Введенский ту же мысль передает посредством своей терминологии: «Общее для всех членов деления свойство [sic!] видоизменениями [= видами] которого они отличаются друг от друга, называется основание или принципом деления» [9, с. 210]. Опять же, указывая на совпадения в данном определении у Введенского, Продан находит там ошибку, связанную с неправильным использованием

логических терминов: «От этого видоизменения моего определения у проф. Введенского опять получилась ошибка: основанием деления может быть не только «свойство» (т.е. один признак), но и совокупность признаков» [9, с. 210]. Опять же трудно отделаться от мысли о том, насколько «натянутой» оказывается здесь критика Продана. Конечно, в понимании терминов «свойство» и «признак» существует определенная путаница, поскольку их часто используют как синонимы. Следует разделять признаки-свойства и признаки-отношения. Продан же называет свойством простой признак. Тогда как определить простое свойство? Но вот видовое отличие во всех учебниках того времени определяется как признак, а признак как то, что составляет содержание⁷, а не объем понятия. В итоге мы видим, что критикуя Введенского, сам Продан далеко не всегда сам свободен от ошибок и неточностей в употреблении терминов. Это тем более примечательно, что он сам требует строго придерживаться одной общей терминологии не только в логике, но и в других науках, а Введенского критикует, и часто вполне справедливо, за слишком произвольное и неоправданное использование новой терминологии: «Не только с терминологией обращается произвольно автор новой логики; он и те *старые*, уже два тысячелетия установившиеся *термины*, удержанные им, определяет произвольно и часто неверно» [9, с. 186].

А.И. Введенский кратко ответил своему критику в «Послесловии» ко второму изданию своей «Логика, как часть теории познания» (1912). Он указал на то, что никак не мог что-либо позаимствовать из учебника логики Продана, поскольку эта книга вышла на два месяца позднее его собственного учебника. Далее Вве-

⁷ В отличие от признака свойство в учебниках логики начала XX века трактуется как то, что может входить в объем понятия, а именно в объем абстрактного понятия.

денский отмечает, что: «мой университетский курс был напечатан (типографским путем, как книга) не только в феврале 1909 г. под заглавием «Логика, как часть теории познания», но и раньше этого, даже два раза – в 1904 г. И 1908 г., под заглавием «Логика в связи с критической теории познания». Правда, оба эти раза она печаталась на правах рукописи»⁸.

Ответ Продана не заставил себя долго ждать. Но, он уже совсем не походил на научную дискуссию. Исидор Савич открыто обвинил А.И. Введенского в клевете, поскольку тот намеренно ввел читателей «Послесловия» в заблуждение. Он утверждает, что автор «Послесловия» прекрасно знал, какая его работа была подвергнута критике, а именно не «Логика, как часть теории познания», а учебник «Логика для гимназий», опубликованный только в 1910 году, и удостоенной к тому же большой премии Императора Петра Великого. И обвиняет Введенского в использовании нечестных, софистических приемов для доказательства своей правоты. И наконец, требует от него «удовлетворения», которое должно выразиться в публикации опровержения, где было указано, какая именно книга критикуется в «Новой логике», и уничтожения «Послесловия» во всех непроданных экземплярах «Логики, как части теории познания». В противном случае И.С. Продан пригрозил А.И. Введенскому уголовным преследованием.

Мы не знаем чем закончилась перебранка Продана с Введенским, подал ли харьковский приват-доцент на профессора в суд, однако бескомпромиссную критику своих философских оппонентов он не прекратил. Вслед за критикой и обвинениями в адрес своего рецензента, а затем его учителя, главным объектом его критики становится высший авторитет для неокантианцев – Иммануил Кант. Ведь, по мнению

⁸ См. [1].

Продана, именно то, что он не разделяет кантовскую философию и стало причиной несправедливого отношения к нему петербургских университетских логиков и философов⁹.

Традиция резкого неприятия философии Канта всегда существовала в дореволюционной России и в XIX¹⁰ и в начале XX века. На крайнюю поляризацию точек зрения о Канте, от его демонизации до обожествления, указывают многие исследователи русской философии. Обратимся к работе А.Н. Круглова, не просто самой фундаментальной работе по данной тематике, но и единственной, где мы нашли упоминание о Продане. И хотя посвящена она философии Канта в России с конца 18-го до первой половины 19 века, автор счел нужным не обойти вниманием столь колоритную оппозиционную Канта фигуру в русской философии, как И.С. Продан. Он пишет: «Хотя творчество приват-доцента ХУ¹¹ Исидора Савича Продана в начале XX века далеко выходит за рамки данного исследования, оно является настолько ярким эпизодом в русской кантиане, что было бы несправедливым обойти его молчанием только по хронологическим соображениям. В сочинении под названием «Правда о Канте (Тайна его успеха)» Продан нарисовал один из самых непривлекательных образов немецкого философа в России» [2, с. 327-328]. Да, и здесь автор «Новой логики» остается верен себе в способах и методах своей критики. Он не просто разбирает ключевые моменты кантовой философии и пытается доказать их несостоятельность. Продан упрекает Канта в неясности и туманности терминологии, обвиняет в присвоении чужих заслуг: «Успех «критицизма» у современников Канта был обусловлен подготовкой немецкого просве-

⁹ См. [9, с. 222].

¹⁰ См., например, работы Н.А. Куценко [3] и [4].

¹¹ Харьковский университет.

щенного общества сочинениями Локка и его последователей в Германии – Ламберта и Тэтэнса, а равно сочинениями Юма и Рида. Эти предшественники Канта вскоре были забыты: Кант уверил своих читателей, будто он в своей Критике чистого разума представил «совершенно новую и единственную в своем роде науку, о которой еще и не догадывались до него, которой даже идея была неизвестна» ([12, S. 36] – авторы). Этой вере содействовала и «новая оболочка Критики ч. раз., и сбивчивая терминология Канта, замаскировавшая старые понятия» [11, с. 84]. Кстати, сам А.И. Введенский не раз упоминает о сложности, путанности терминологии Канта, но не в смысле её искусственности, а скорее из-за её специализированности: обоснования Канта трудны для понимания широкой общественностью. Поэтому Введенский предложил «Новое и легкое доказательство философского критицизма» (1909). «Лёгкость» предложенного доказательства в сравнении с «очень трудным и запутанным» доказательством, изложенным в кантовских «Критике чистого разума» и «Пролегоменах», достигалось благодаря систематичности и ясности формальной логики.

Кроме нелицеприятного разбора содержания философии Канта, Продан обсуждает и личность кёнигсбергского философа, который оказывается и посредственным учеником, и плохим воспитателем и лектором, и преподавателем, без основания претендующим на профессорскую должность и т.д., и т.п. Главное же обвинение философской системе Канта выдвигается чисто политическое: «...возрождение и широкое распространение «критицизма», за последний полувек порождено причинами внешними, не имеющими связи с истинной и наукой: популярность Канта создана блестящими успехами прусского оружия, национальным самообожанием и рекламой немцев» [11, с. 84]. Вывод его однозначен: «Итак, прочь от Кан-

та и его скептицизма развиваемого в его Критике чистого разума! Займемся лучше изучением *учителей* Канта, у которых научился сам Кант. Отвернемся от туманных рассуждений и неверных гипотез! Обратимся к изучению фактов из первых источников, обратимся к анализам конкретной действительности и к здравому смыслу!» [11, с. 86]. В общем, содержание и стиль этой работы Продана можно назвать «ругательным», он должен быть столь возмутительным для всякого из кантианцев, и даже для «сочувствующих» кантовой философии, что удивительно, как Введенский, этот «заместитель Канта в России», не отреагировал на неё. По-видимому, он не считал Продана сколько-нибудь серьёзным исследователем. Так или иначе, этот эпизод рецепции Канта в России интересен и будет нами рассматриваться в дальнейшем.

В заключении к описанию этого эпизода логических дискуссий в России хотелось бы добавить элемент сравнения. Фундаментальная монография-учебник А.И. Введенского «Логика, как часть...», затронула дух критицизма не только в Исидоре Савиче Продане. Талантливый ученик, коллега и оппонент Введенского Н.О. Лосский опубликовал работу «Логика профессора Введенского» (1912). Работа острая, критическая, но здравая и уважительная. Естественно, что она коренным образом отличается от опуса Продана. Но в чем именно?

Несмотря на существенные расхождения во взглядах, проявившиеся ещё в студенческую пору Н.О. Лосского, А.И. Введенский считал его талантливым учеником и с самого начала предполагал его учёную деятельность при кафедре философии Санкт-Петербургского университета. При этом напряженность на идейном поле не ухудшила человеческих отношений между учителем и учеником. Лосский вспоминал: «На заседаниях Философского общества, когда

я выступал с докладом или когда читались доклады обо мне, Введенский называл меня своим талантливым учеником; он говорил иногда, что я занимаю в русской философии место, равное положению Соловьёва» [6, с. 142-143]. Для Введенского как мудрого учителя и человека, болеющего за судьбы философии в России, в ситуации становления самостоятельной отечественной философии представлялось более важным появление системы, по значимости способной войти в историю отечественной философии, нежели собственное с ней несогласие. Лосский же, в свою очередь, преклонялся перед заслугами учителя. Так, о «Логике...» А.И. Введенского он писал: «...труд профессора Введенского имеет право на серьёзное внимание ещё в виду большого количества ценных частных, особенно в области логики, сохраняющих значение независимо от согласия с системой в целом» [5, с. 12]. Это признание было искренним, поскольку в «Логике» Лосского можно встретить многочисленные ссылки, указывающие на согласие с позицией учителя по тому или иному вопросу. Именно при таком соотношении позиций, когда при категорических расхождениях во мнениях оппоненты были созидателями, как ни парадоксально, единой традиции отечественной философии, дискуссия была глубокой, но не уничтожающей иного мнения.

«Логика профессора А.И. Введенского» содержит довольно обстоятельную критику позиции учителя, но кроме этого Лосский отвечает на уже изложенные А.И. Введенским в других работах (главным образом – в «Логике, как части теории познания» 1912 года издания) выпады в адрес интуитивизма вообще и интуитивистической логики в частности. Данная работа разделена автором на четыре части: 1) очерк системы; 2) критика логики; 3) критика гносеологических выводов; 4) полемика проф. Введенского. Рамки и задачи

статьи не позволяют обстоятельно представить и проанализировать все части и аспекты критики Лосского. Обратим внимание на то, что можно соотнести с критическим стилем Продана. Посмотрим, каким образом Лосский преподносит свое несогласие с профессором Введенским.

Вспомним, что Продан подчеркивал повсеместную несостоятельность методов, терминологии Введенского, подводя читателя к мысли об академической некомпетентности профессора Введенского. Лосский тоже вскрывает много противоречивых выводов, которые следуют из хода рассуждений Введенского, позволяет себе беззлобную иронию, но нигде нет и тени сомнения в компетентности учителя, Лосский не останавливается на частностях словоупотребления. Конечно, Введенский заведовал кафедрой, председательствовал в философском обществе и имел научный авторитет. Но не только это диктовало общую интеллигентность и деликатность дискуссии. Нам думается, что при видимом расхождении взглядов было сознание общего философского дела и концептуального уважения, присутствовавшего в академической среде Петербурга. На этом фоне важнейшими были обсуждения, касавшиеся идейных расхождений. И вся критическая работа Лосского посвящена этому. Для Продана же наиболее ожесточенный пункт столкновения – это тот аспект, который диктовался амбициями самостоятельности, это вопрос плагиата, который, как было показано, не имел под собой достаточных оснований.

Вся направленность критики Лосского принципиально отличается от стратегии Продана. Лосского интересуют фундаментальные, системные вопросы, из которых затем он выводит более частные следствия. В своем анализе Лосский не рассматривает последовательно всю работу Введенского в соответствии с её структурой, как это мы видим у Продана. Продан же

создал внушительный труд (более 200 страниц) посвященный одной работе Введенского, и на этом пути как будто боялся упустить всякую частность, всякий повтор слов, его обстоятельность разбора напоминает подготовку к военным действиям.

Приводя критику логики А.И. Введенского, Н.О. Лосский сразу выражает сомнение в самих её основаниях: можно ли «построить систему логики, пользуясь лишь узким понятием аналитической необходимости (так мы условимся называть для краткости необходимость, основанную на законе противоречия...)» [5, с. 16]. Это приводит Лосского к обсуждению вопроса *о природе логических законов*, о том, как они трактуются Введенским, а также, в конечном счете, к обсуждению *проблемы психологизма*. В частности, Лосский задается вопросом: не содержит ли скрытого психологизма «Логика» Введенского? В качестве ответа на этот вопрос Лосский даёт следующий вывод: «проф. Введенский не нашел, в чем заключается разница между психологией и логикой, и не объяснил, каким образом логика и гносеология строятся *независимо* от психологии (курсив Лосского)» [5, с. 16].

Таким образом, эти и большинство других вопросов, разбираемых Лосским в «Логике проф. Введенского» можно отнести к проблемам философско-логическим, что показательно для оценки дискуссии. Это глубокое фундаментальное идейное столкновение учителя и ученика, которое оказывало позитивное воздействие на эволюцию взглядов того и другого, заставляло быть более последовательными, уточнять важные вопросы систем. Одновременно дискуссия Введенского и Лосского была очень личной (в плане уважения к личности оппонента), но не переходящей на личности. Введенский был нарочито требователен к Лосскому, поскольку высоко оценивал его способности. В целом дискуссия А.И. Введенского и Н.О. Лосского демон-

стрирует связь поколений в деле логических изысканий, эволюцию в видении логики как преподаваемой дисциплины, это пример конструктивной дискуссии и одновременно – сотрудничества на преподавательском поприще.

Описанные эпизоды с участием двух критиков логики профессора Введенского инициируют некоторые вопросы. Так, если Продан был сосредоточен на персоне Введенского, почему он совершенно не уделил внимания другим его критикам, Лосскому, например? Ведь харьковский приват-доцент мог бы искать солидарности и это только добавило бы основательности его позиции. Продан же предпочел роль «героя-одиночки», борющегося с несправедливостью. Также, интересно было бы узнать и об отношении Лосского к критике Продана, и о том, почему Введенский не отреагировал на провокационную работу Продана «Правда о Канте»... Полагаем, что эти и другие вопросы могут быть прояснены или, по крайней мере, получить предположительное разъяснение в дальнейшем.

Список литературы:

1. *Введенский А.И.* Послесловие. Умышленная неправда, которую И.С. Продан утверждает обо мне // *Логика, как часть теории познания. Второе, вполне перераб. изд-е.* СПб, 1912.
2. *Круглов А.Н.* *Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XX веков.* М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.
3. *Куценко Н.А.* *Духовно-академическая философия в России первой половины века: киевская и петербургская школа (Новые материалы).* М., 2005.
4. *Куценко Н.А.* *Профессиональная философия в России первой половины – середины века: про-*

- цесс становления и виднейшие представители. М.: ИФ РАН, 2008.
5. *Лосский Н.О.* Логика проф. А.И. Введенского. М.: Тип. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1912.
 6. *Лосский Н.О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994.
 7. *Попова В.С.* Спор о логике в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века. Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010.
 8. *Продан И.С.* Ответ г. И. Лапшину на его рецензию Учебника логики И.С. Продана // Журнал Министерства Народного Просвещения за 1911 год, янв. КН. СПб, 1911. С.
 9. *Продан И.С.* Новая логика. Критическое исследование новых и старых заблуждений и ошибок. Харьков, тип. «Мирный труд», 1911.
 10. *Продан И.С.* Открытое письмо профессору С. - Петербургского университета А.И. Введенскому. Харьков. «Печатник», 1912.
 11. *Продан И.С.* Правда о Канте (Тайна его успеха). Харьков. «Епархиальная типография», 1914.
 12. *Kant I.* Prolegomena, Einleitung, Reclams Ausg.

Об авторах

Попова Варвара Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта, varyud@mail.ru.

Пушкарский Анатолий Геннадьевич – старший преподаватель кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта, pushcarskiy@mail.ru.

About authors

Dr. Varvara Popova, Associate Professor, Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, varyud@mail.ru

Anatoly Pushkarsky, Assistant Professor, Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, pushcarskiy@mail.ru.